

“Я хотел сказать только, что все мысли, которые имеют огромные последствия, всегда просты. Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь как просто”.

Война и мир. Эпизод.

Фраза “писатели переругались” давно стала такой же привычной и надоевшей, как, положим, “развал СССР” или “ближнее зарубежье”.

Все в общем понимают, что “как-то нехорошо”, — да “что поделывать”!

Поэтому весть о том, что 8 и 9 сентября в Ясной Поляне на каком-то писательском форуме, посвященном явно “дежурной” теме “Лев Толстой и судьбы человечества на пороге XXI столетия”, должны собраться признанные современные классики и молодые литераторы разных лагерей и направлений, хотя и не была “сенсацией дня”, конечно, но все-таки прозвучала в прессе и по радио.

Цитирую “Известия” от 7 сентября — “Состоится ли примирение по случаю дня рождения Льва Толстого?..” “В Ясной Поляне по случаю 168-й годовщины со дня рождения Льва Толстого ожидается большой наплыв гостей... Приглашены Андрей Битов и Валентин Распутин, Фазиль Искандер и Владимир Личутин...” На этом и прервем цитату.

Потому что Битов приехал, а Распутин — нет. Личутина на встрече я видел, а Искандера не заметил... И, стало быть, зачитывать благородный список из “Известий” не имеет смысла. Я лучше назову тех, кто был. Кроме отмеченных, приехали Владимир Маканин, Руслан Киреев, Анатолий Ким... Были — из нового поколения — Олег Павлов и Алексей Варламов, Владимир Сотников и Светлана Василенко, Александр Яковлев и совсем-совсем “молодой” Антон Уткин, поразивший, во-первых, почти преступным внешним сходством с молодым Пастернаком (я-то считал, что вторых таких глаз Бог в мире не сотворит) и — лишь потом — сходством впечатления от обще-

ния с автором и от чтения его романа “Хоровод”, публикуемого “Новым миром” (№№9, 10, 11) и грозящего стать “гвоздем” осеннего литературного сезона. Приятно было видеть Марлена Хуциева с сыном, тоже режиссером, которые привезли в Ясную Поляну (вместе с Липецким драматическим театром) свою пьесу “Визит к доктору в палату № 16” о встречах Льва Толстого и Антона Чехова. Пьеса — скорее удачная, чем нет — исполнялась на веранде дома Толстого в окружении плотного кольца гостей и посетителей, что в самом деле придавало ей какой-то особый колорит. Был Дмитрий Балашов (в красной рубашке, сапогах и все как положено), который, собственно, не на встречу прибыл, но на получение собой лично ежегодной премии имени Толстого и потому ходивший по Ясной Поляне с особливым выражением. Были журналисты, конечно. Радио. Ася Местечкина из “Эха Москвы” — единственной радиостанции, имеющей к современной литературе серьезное отношение.

Приехали родственники Толстого из Франции и Италии. Был Рене Гера — известный французский собиратель и хранитель раритетов, связанных с русской художественной эмиграцией. “Начальства” (ни областного, ни тем более общероссийского) не было в помине. Не снизошли. Спасибо и земной поклон!

И все прошло в общем хорошо... Да и как может быть плохо на земле Толстого, где березы и ясени, где трава и пруды, а яблоневый сад, как и могила писателя, никакими оградками не обнесен — подходи, стой, размышляй о вечном и гряди яблочками, а на конюшне стоят живые лошади, а на клумбе георгины в полтора человеческого роста и с голову величиной, и пахнет навозом, цветами и яблоками, а не архивной пылью...

Но все-таки было немного горько и досадно, что так мало приехало писате-

лей, для которых организаторы встречи готовили такой теплый прием. (Между прочим, на заключительном банкете пел и плясал цыганский хор. Не знаю, как это показалось бы позднему Льву Николаевичу, но мы-то еще не “поздние”, нам так ну очень понравилось. Тем более что “цыгане” при тесном знакомстве оказывались легким смущением. Вот не расстроились ли, что не все приехали? Что не было Распутина и Солженицына (по слухам, тоже приглашали), Ф. Искандера и Е. Носова... Что даже и прибывшая часть писателей помелела еще до окончания встречи.

Но очень быстро из разговора я по-

Всё ещё в окопах

Вопреки ожиданиям отношения российских писателей в Ясной Поляне пока не прояснились

лись простыми и крепкими туляками и тулячками, настоящими патриотами своего города.) Горько потому, что наше военизированное сознание, ставшее родом сумасшествия не в одной только писательской среде, не может никак понять, ну как это можно просто пригласить хороших людей в хорошее место поговорить о разных вещах, дабы люди от этого стали еще хороше! Нет, что-то тут не так... Не просто.

Валентин Григорьевич! Вас позвали в Ясную Поляну просто как хорошего прозаика! Неужели вы забыли об этом своем не последнем качестве? Поэтому не стоило, поджав мрачно губы, говорить корреспонденту “Комсомолки”, что с “такими-то и такими-то” вы за один стол не сядете. Ни о каких “переговорах” и тем более ни о каких “миришь, миришь и больше не дерись” на этой встрече речь не шла и не могла идти. Ну не дети ж мы в самом деле! Да и смешно это рядом с домом и могилой автора “Казаров” и “Войны и мира”!

Не понимают. Привыкли в окопах жить. И это не одному Распутину в упрек.

Когда я беседовал с главным организатором встречи, правнуком Толстого и директором яснополянского музея Владимиром Толстым, то сначала испыты-

нял одну штуку, на которую хотел бы обратить особенное внимания коллег по цеху. Понимаете, Владимир (ему только за тридцать) человек на редкость вежливый, обаятельный и неамбициозный. Как и его брат Илья, который на шутильный вопрос, вернул ли он себе графский титул и не надо ли к нему обращаться “ваше сиятельство”, ответил, что титул его вроде бы никто и не отменял, но сказал это таким естественным и весьма равнодушным голосом, что нам стало неловко за вопрос. Понятно ведь, что не в графстве дело. А в чем?

А в том, что Владимир и его брат и есть те “новые русские”, которых Россия так долго ждет. Не в малиновых “пинджаках” и штанах с пылью от клуба “Ап энд даун”, а в нормальной одежде и с живыми, симпатичными русскими лицами. С редким на сегодняшний день сочетанием в одном лице ума, юмора, совести и молодого азарта человека, который хочет что-то делать для себя и для России (можно и наоборот, но это нескромно). Может быть, потому Владимира и не хотели так долго утверждать в качестве директора музейного комплекса — а ради этого он оставил Москву и переехал в Тулу, — что сам вид этого энергичного человека странно сочетался с образом му-

зейного работника. Все-таки он местную Думу убедил. Теперь работники “Ясной Поляны” (во всяком случае те, с кем я разговаривал) в новом директоре души не чают. Дело даже в не том, что музей работает; он и раньше работал. И не в зарплатах; они, в общем, средние. Дело в том, что появилось ощущение перспектив. Владимир знает о том, что во всем мире мода на “пляжный” туризм уступает место туризму “культурному”. И очень надеется на то, что Ясная Поляна — по праву — могла бы стать центром настоящего историко-литературного ожерелья; ведь рядом с ней находятся Мелихово, Полесное, Спасское-Лутовиново, Мураново, Абрамцево!

Владимир, как и надлежит сейчас “человеку дела”, берется сразу за все и пытается сделать из имени своего великого прадеда подлинный культурный и туристический центр.

Остановимся на культурных инициативах. Создано принципиально нового типа издательство “Ясная Поляна” с новейшей технологией и своим особняком (поднятым из руин) в Туле. В конце года выйдет первый номер литературного журнала “Ясная Поляна”, цветного и о-очень толстого, где рядом с неизвестными материалами Толстого и о Толстом будут напечатаны стихи, романы и т. д. — самых что ни на есть современных литераторов. Соредактором Владимира в этом журнале является Анатолий Ким, прозаик, которого трудно заподозрить в эстетической отсталости. Слова “CD-ROM” и “Интернет” тоже не вызвали отрицательной реакции у потомка великого нелюбителя прогресса; и это хорошо, потому что... потому что просто хорошо. Уже готовится “CD-ROM” с материалами яснополянского музея, а в перспективе — идея “толстовского” CD-диска, аналогичного “грибоедовскому” (то

есть весь Грибоедов и все о нем на маленькой такой пластинке, о чем уже много писали и что вызвало огромный интерес соответствующих, и не только академических, кругов).

Я к чему это все говорю. А к тому, что писатели — большие и маленькие — все еще не вполне понимают, в каком, собственно, мире они завтра будут жить. Их еще приглашают на интересные встречи. И довольно почтительно приглашают (организация поездки была достойной). В них еще хотят видеть помощников живого и нового дела, потому что Лев Толстой — он один и для новых, и для старых русских. Все это еще есть. Но завтра этого может и не быть. И “великий раскол” в русской литературе станет всего лишь скучной историей “о том, как поссорились” сами помните кто...

В Ясной Поляне об этом как-то не ду-малось. Было отродно наблюдать за неутомимым Владимиром Толстым, так непохожим и одновременно похожим на своего такого же неутомимого прадеда. Было тихо и влажно на могиле Льва Николаевича, со странным видом которой я наконец примирился, потому что вспоминал не его отношения с церковью, а любимые им строки Бунина:

**Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.**

Было занятно наблюдать за диалогом Битова и Хуциева, не слыша из него ни слова, так тихо, явно не для окружающих они беседовали. Поразили слова Руслана Киреева о человеке, в доме которого в Остапове скончался Толстой и который впоследствии сошел с ума: “Вы только представьте себе: вы живете и к вам неожиданно приходит Лев Толстой, ложится на вашу кровать и... умирает. Ни одна психика такого не выдержит!” Так может сказать только настоящий писатель!

Многое было хорошо, отродно, приятно и симпатично.

Это уже на подъезде к Москве я о плохом задумался.

П. Б.

Андрей БИТОВ и Марлен ХУЦИЕВ

Анатолий КИМ, Владимир МАКАНИН и профессор ИМЛИ Ким РЕ ХО

Владимир СОТНИКОВ, Антон УТКИН и Руслан КИРЕЕВ

Ясная Поляна. 8 сентября 1996 года.